

ЧЕМ БОГ НЕ ШУТИТ, ЧЕГО ЧЕРТ НЕ ПОШЛЕТ

Очередное заседание исследователей Достоевского в его квартире, ныне музее

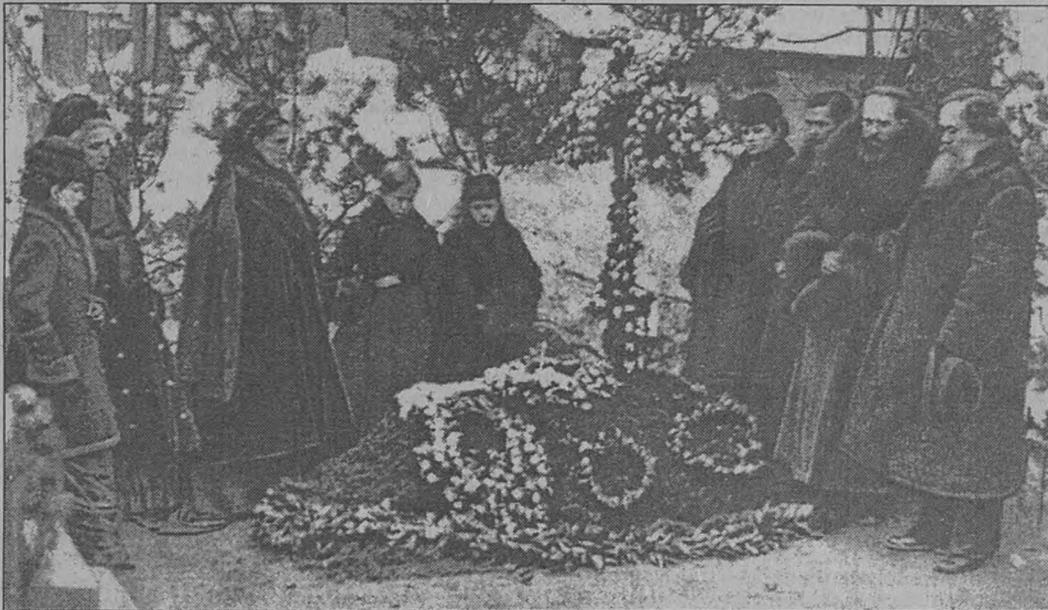
Независимая газета, - 2001,
- 14 февр. - с. 7

Данила Ремизов

ЕЖЕГОДНО в Музее-квартире Достоевского на улице, носящей его же имя, собираются поклонники русской словесности, «достоевсковеды», историки, представители Церкви и другие, сочувствующие «русской идее». Поводом собрания служит дискуссия о «взгляде на Достоевского в третьем тысячелетии». Заседание приурочено к очередному дню рождения Федора Михайловича (в этом году — к 120-летию со дня смерти писателя).

Как обычно, разговор начался со слов о страхе перед возможной не востребуемостью Достоевского у молодого поколения, которое, по словам заседавших, пало жертвой бездуховной экспансии западной цивилизации на восток. На это попытался возразить Александр Крыницын, преподаватель русской литературы на филфаке МГУ. Он заявил, что его семинар по Достоевскому — самый посещаемый на кафедре. Вера Еримина («историк Церкви» и секретарь Троице-Сергиевой лавры) говорила об апокалиптическом конце, как видел его Достоевский, о приходе «человекобога» (антибога-человека) и о том, что следует делать, чтобы «оттянуть конец света». По всей видимости, ее слова о том, что Достоевский считал торжество Православной идеи единственным средством к спасению человечества, а русский народ — избранным осуществить эту миссию, совпадали с мнением организаторов и участников мероприятия. Тезисы, что Запад навязывает рационалистический подход к жизни и подавляет нашу духовность и что России необходимо навалиться всем миром и сбросить иго, иначе не миновать прихода Антихриста, вызвали одобрение и согласие в зале. В голосах выступавших в тот вечер звучала тревога за будущее человечества, при этом тема Достоевского-художника не прозвучала ни в одном докладе.

К сожалению, на заседании «игра шла в одни ворота» и никакой более или менее значимой полемики не возникло, за исключением двух докладов, споривших между собой на методологическую тему, — выступления «молодого философа» Анатолия Чернышева и Михаила Маслина, заведующего кафедрой русской философии на философском факультете МГУ. Первый говорил о

Могила Достоевского 5 февраля 1881 г.

«полифонии», а второй — о «симфонизме» у Достоевского. И оба, взяв на вооружение Бахтина, размышляли о том, можно или нельзя «выводить» из творчества Достоевского «любые» идеи. Но искали какой-то однозначный и безапелляционный подход, забыв, что Федор Михайлович — художник и его величие не только в пророческом даре, но в многозначности и полноте художественного мира, во внутренней противоречивости и полемичности его произведений. А в достоянии писателя едва ли можно записать возможность однозначной трактовки. «Многозначность» — это не «подстилка», которую можно подложить подо что угодно, как это звучало в интерпретации «молодого философа». С другой стороны, странно было слышать от заведующего кафедрой русской философии, что в Достоевском нужно искать какую-то одну верную идею (конечно же, под одобрительный шепот зала — ведь подразмывалась все та же русская народническая Идея Православной духовности и Единения славян).

Конечно, любому человеку приятно думать, что его народ — лучший в мире. Но после стольких неудачных попыток создать «идеальное общество» (спартанское ли, коммунистическое ли, националистическое — неважно) о каком «всеобщем братстве» может идти речь? Даже в лоне Православной Церкви. Для того что-

бы построить это общество, нужно не только собраться вместе. Сначала надо ответить на вопрос: могут ли все хотеть одного?

Однако от опыта свободы «достоевсковеды» всеми силами открещиваются. С ужасом говорят они о рок-группах и ночных клубах, о книгах, лежащих на лотках, из которых сложно выбрать стоящие без должного образования, а образование отсутствует повсеместно. И этой свободы, даже не скрывая того, боятся. И боятся именно потому, что вовсе не слепы и не глупы. Каждому, кто потрудится присмотреться поближе, станет ясно, что все люди хотят разного. Но и это не все. Каждый человек в отдельности тоже не может хотеть чего-то одного. И это более всего мешает «достоевсковедам». А все потому, что человек противоречив. Жизнь свободного человека — это парадокс. Что, например, будет с компьютером, если поставить перед ним задачу, которая имеет два решения, конфликтующих друг с другом? Он в лучшем случае зависнет, а в худшем — сломается, ибо компьютер логичен и не выносит противоречия. А человек без парадокса — не человек, а машина или карикатура. Так чего же можно ожидать от целого народа — толпы неразрешимых задач, каждая из которых противоречит другой по условию? Единения и братства?

Так в чем же природа страха перед свободой? Перед бескуль-

турьем? Это страх потерять какие-то художественные ценности, лишиться духовности? Те, кто собрался поговорить о Достоевском в третьем тысячелетии, в большинстве своем одержимы идеей славянского братства, всеобщего единения, торжества православия. Причем так, что даже Достоевский во всем величии всеобъемлющего гения кажется им подборником одной лишь этой идеи.

Но произведения, написанные ими, — не философские трактаты. Они, как это ни печально и радостно одновременно, — сама жизнь, а жизнь не приемлет однозначного решения.

Сам Достоевский иронизировал над собой и своим творчеством, а потомки говорят о нем только с серьезным выражением лица. В основе иронии лежит многозначность, а в ней заключена полнота. Наверное, поэтому исследователи Достоевского не видят ни в жизни, которая столь либездно предоставляет им наглядный пример, ни даже в самом Достоевском недостижимости своей цели. Так чего же ждать от третьего тысячелетия в целом, когда два предшествующих ничему нас не научили? Ответ напрашивается сам собой: если все пойдет по-прежнему, то ничего по большому счету не изменится, только иллюзия, что «теперь мы все поняли», будет по-прежнему с нами. А там, что Бог даст, может, чудо...